

Арсений  
ТАРКОВСКИЙ:Я бессмертен,  
пока я не умерПоэт  
в последние  
годы жизни

Он вскрикивал неожиданно и протязно. К этому нельзя было привыкнуть, и каждый раз я не знал, как себя вести: молчать, сочувствовать, извиняться.

— Фантомная боль — ощущение отсутствующей ноги, — пояснила Татьяна Алексеевна. — Два года, с зимы сорок первого по зиму сорок третьего, Арсений Александрович пробыл на фронте. И почти все время на передовой.

Особенно часто я общался с ними в то время, когда они жили в маленькой комнатке переделькинского Дома творчества, откуда перебрались в Матвеевское, где и умерли в пансионате ветеранов кино. В течение нескольких лет я вторгался в их размеренное бытие и, мучая вопросами, слушал рассказы об удивительной жизни одного из лучших наших поэтов. Арсений Александрович угасал почти на глазах. Часами он мог сидеть в своем кресле молча и вроде бы принимать участие в общей беседе, но мне казалось, что жил он уже в своем, собственном мире и реагировал на жизнь вокруг, откликался только на просьбы, призывы, мольбы Татьяны Алексеевны Озерской, твердого друга, жены, повелительницы, адресата многих его лирических стихотворений.

— Арсюша, я прошу тебя, не кури, ты сегодня уже исчерпал свою норму — три сигареты! И он, словно маленький мальчик, послушно откладывал в сторону спички и шевелил губами: "Ах, да..." "Ты можешь вспомнить какое-то стихотворение?", — говорила в другой раз Татьяна Алексеевна, и он вспоминал, прочитывал и опять уходил в вечность.

Однажды с другом Женей я повез его, инвалида войны, в какое-то московское захолустье, на завод по производству протезов. Старый отечественный протез быстро пришел в негодность, ныла натертая нога, и он выжидал то мастера, то приемщицу, то заведующую. Как стыдно было. Я не выдержал и устроил скандал. Протез быстро исправили, но от этих поездок в памяти осталось тягостное чувство. Знали бы протезные мастера, кто их "беспокоит".

Я бессмертен,  
пока я не умер,  
и для тех,  
кто еще не рожден,  
Разрываю пространство,  
как зуммер  
Телефона грядущих времен.

В плену у  
Марушки  
Никифоровой

...Гражданская война. Завладев городом Елизаветградом, атаманша Марушка Никифорова

допрашивала пленных в штабе, расположенном в бывшем кавалерийском училище. Бронепоезд стоял на станции. Город оцепенел, устав от голода и войны. Все знали, что атаманша мстит за смерть своего мужа.

Она сидела в кресле, опустив голову. Короткие прямые волосы, свисая, закрывали лицо. На столе — маузер. За спиной — охранник в тельняшке. Пленных предварительно содержали в камере, а потом приводили на допрос.

Перед атаманшей стоял мальчик лет двенадцати. Его привел здоровенный казак. Среди задержанных был и старший брат этого мальчика, бросивший бомбу в атаманшу.

— Я же сказала, не брать хлопчиков, — приподняла голову Марушка. — Разобратся и доложить!

Потом открыла ящик стола, достала ярмарочный, витой, обернутый серебром леденец и, поглаживая по голове, протянула ему: "Гарный хлопчик..."

Казак, приведшему ребенка, было дано распоряжение довести его домой и взять от родителей справку, что довел благополучно. Проходя коридорами кавалерийского училища, где мальчику было все так знакомо, ибо здесь преподавал математику его дядя, казак чертыхался и, приговаривая "набрюдо все", как-то жалобно стонал.

На стук в окно выглянула мать:

— Где же ты был, я весь город обегала... Не сидится дома, смотри, что творится кругом.

Мальчик признался, что был в плену, но постыдился сказать, что у Никифоровой, а казак многозначительно добавил: "Атаманша". В записке, которую дала казаку сельская учительница Мария Даниловна, говорилось: "Арсения Тарковского, ученика 3-го класса гимназии Крыжановского, доставили домой и проводили благополучно".

Посылка от Юзефа  
Пилсудского

Отец будущего поэта Александр Карлович — самый любимый герой всей его жизни, народо-волец-восьмидесятник. Десять лет протомился он в якутской ссылке, где вел обстоятельные записки об этой земле, ее людях, обычаях. О тех, кто волею судьбы оказался рядом с ним.

Когда в 1920 году буденновцы взяли Елизаветград, Александра Карловича пригласили в особый отдел Первой конной армии, чтобы "объясниться" по поводу посылки и письма, пришедших на его имя

из Польши. Письмо гласило: "Дорогой Саша! Я теперь неплохо устроился, я маршал Польши. Твой Юзеф". Судьбою правит случай — бывший сыльный припомнил человека по фамилии Пилсудский. Неужели это он? Времена были крутые, и Александр Карлович понимал, что значит получить весточку от руководителя военными действиями против советской власти со стороны Польши. Хорошо, что он догадался взять с собой письмо Ленина, в котором тот, лично знавший А. К. Тарковского, просил его написать воспоминания о "Народной воле". Письмо это и спасло ему жизнь. Комиссар чуть ли не с почестями отправил адресата посылки восвояси.

"Это очень плохие  
стихи, молодой  
человек"

В 1925 году Арсений Тарковский окончил профтехшколу. Небольшой украинский городок слыл центром культурной жизни. Сюда приезжали известные композиторы, музыканты, писатели. Выступал с лекциями Бальмонт. Одно из детских потрясений будущего поэта — вечер Игоря Северянина и Федора Сологуба. Шестилетнего мальчика родители взяли на этот вечер. Арсений Александрович так и не смог до конца дней понять, почему ему понравился именно Сологуб. Но случай не остался без "последствий". Юноша, серьезно начавший "жить стихом", решает на поездку в Ленинград.

— Мне очень хотелось еще раз увидеть Сологуба, поблагодарить его за стихи, сказать, что я помню его с детства. С трудом в незнакомом городе нашел квартиру знаменитого поэта. Когда я вошел к нему, он был грустен и одиноко. Не заживала душевная рана после гибели любимой жены и друга Анастасии Николаевны Чеботаревской. За стеной назойливо играли гаммы. Я спросил Федора Кузьмича, не удручает ли это его. "Нет", — ответил он, — мне не так одиноко". Поставили три прибора. Третий для той, ушедшей из жизни, — такой в этом доме был ритуал.

Сологуб расспрашивал меня о Елизаветграде, о родных, о любимых поэтах, долго не отпускал и лишь под конец неожиданно спросил: "А сами-то вы стихов не пишете?" Я признался в своем "грехе". Он попросил почитать что-нибудь и, выслушав, вынес приговор: "Это очень плохие стихи, молодой человек. Но вы не теряйте

надежды, пишите, быть может, что-нибудь у вас и получится". Эти слова запомнились мне на всю жизнь.

Когда я уходил, хозяин дома подал пальто. Я смутился, а он пошутил: "Молодой человек, я подаю вам пальто не из подальности, а потому, что я член добровольного общества взаимного подаяния пальто". И уже почти вдогонку предложил мне свою книжку, но взять ее я не посмел. Больше мы не встречались.

"Винюват", —  
сказал  
Рокоссовский

Сохранилась фотография, запечатлевшая Арсения Тарковского и Александра Трифоновича Твардовского на фронте. Одинадцать раз Арсений Александрович писал заявления с просьбой взять его в армию и каждый раз получал отказ. Потом наконец добровольца мобилизовали, и он стал работать в армейской газете. Главное было — не растеряться, не растеряться в кромешном аду и хаосе.

— На нас шли немецкие танки. Я прыгнул в окопчик, на меня свалился другой человек и стал душить меня от ужаса. И тогда на живом узоре моей памяти завязался еще один узелок: никогда, никогда не терять своего человеческого образа. Даже на войне, даже на краю гибели...

Командующим его группы войск был Константин Константинович Рокоссовский. Однажды заглянув в палатку к гвардии капитану Тарковскому, заснувшему после ночного задания, он приподнял край шинели, накрывавшей спящего человека, и в ответ получил пару крепких ругательных слов — Арсений Александрович не разобрал, кто его потревожил. Командующий, смутившись, произнес: "Винюват", отдал честь и вышел. Случай, курьез, но остался в памяти на всю жизнь.

Была ли  
"королевой"  
Анна Ахматова?

С Анной Ахматовой Тарковский впервые увиделся на квартире поэта Г. Шенгели в 1946 году. Его пригласили специально для этой встречи. Знакомство началось с шуточного эпизода. Арсений Александрович взял в руки небольшую шапку, которой баловался хозяин дома, и Анна Андреевна пошутила: "Как жетса, мне угрожает опасность?". "О, нет, Анна Андреевна, я не Дантес", — почему-то выпалил гость. Всегда находчивая Ахматова растеря-

лась: "Я не знаю, как мне ответить на такой комплимент". Тарковский прочитал какие-то стихи, и Ахматова заметила, что они похожи на стихи Мандельштама. Потом они виделись все чаще и чаще.

Я спросил Арсения Александровича, правда ли, что Анна Андреевна выглядела королевой, гордой и непреклонной.

— Нет, королевой она не была. Во всяком случае мне так не казалось. Правда, однажды, когда ей сказали, что Эльза Триоле приглашает ее в Париж, Ахматова действительно по-королевски парировала: "Не принимаю, почему она меня приглашает, я же не зову в Москву римского папу".

— Вы знаете, — продолжал Тарковский, — однажды я поспорил с ней из-за Модильяни. Я посмел сделать замечание по поводу ее воспоминаний о встречах со знаменитым художником — они мне не понравились. "Лучше бы вы писали стихи, а не пишется, думали бы о боге", — сказал я Ахматовой.

— Арсений пришел тогда домой ужасно расстроенный, — вступила Татьяна Алексеевна. — "Я поспорил с Ахматовой", — сказал он убитым голосом. Тогда я посветовала ему завтра же купить большой букет цветов, стать перед ней на колени и извиниться. Но Арсений Александрович ничего этого не успел сделать. Раздался телефонный звонок. "Это говорит Ахматова, — послышалось в трубке. — Вместо того, чтобы нам ссориться, браниться, нужно подерживать друг друга добрым словом".

Разве "королева" могла так поступить?!

"Твой сын —  
несчастный  
и замученный  
Андрей"

Так случилось, что во время наших встреч пришло сообщение, что во Франции умер сын поэта — Андрей Тарковский. Я знал, что отношения между сыном и отцом, двумя своеобразными художниками, были всегда теплыми, близкими. Сын тянулся к отцу, который всегда был для него авторитетом. Он любил поэзию отца и не раз включал его стихи в свои фильмы. Режиссер Тарковский, верный своим творческим принципам, не давал отцу никаких поправок, требовал максимальной отдачи. Так, одно из стихотворений, звучащих в фильме "Зеркало", Арсений Александрович читал записи одинадцать раз.

9 мая 1987 года я приехал к Арсению Александровичу по-

здравить его с Днем Победы. Отец заговорил о сыне. Уже в прошедшем времени: был, снимал, уехал... Татьяна Алексеевна вспомнила о письме, пришедшем из Италии несколько лет назад. Она произнесла: "Бедный Андрей, совершенно невиновный". "О чем письмо?" — поинтересовался я. Ее голос мне показался тревожным. Татьяна Алексеевна стала перебирать бумаги, я с нетерпением ждал. "Куда же оно запропастилось? — все повторяла она. — Ведь мы никому не давали его читать". На секунду замолчала, интригуя поглядывая на меня и добавила: "Мы не могли выпустить его из дома. А теперь, пожалуй, можно. Другие времена..."

Наконец письмо обнаружилось, и я стал читать его вслух, довольно быстро разбирая правильные почерк Андрея Арсеньевича, кстати, невероятно похожий на почерк отца. Андрей Тарковский называл имена прямых виновников его нынешнего положения, размышлял о судьбе советского кинематографа. Я понял, что прикоснулся в каком-то тайнам, чему-то запретному, и хотя на дворе набирала силу гласность, не верил, что письмо "отверженного", хотя и известного уже всему миру режиссера можно опубликовать.

Это тяжелое трагическое послание заканчивалось прощальным: "Твой сын — несчастный и замученный Андрей Тарковский".

...Давно замечено, что любовные, семейные пары, прожившие вместе много лет, облепляют как бы единым биологическим полем, некоей общей аурой, и когда умирает один, то вскоре уходит в могилу второй. То же самое случилось и с ними. Сначала, а именно 27 мая 1989, года ушел из жизни Арсений Александрович, а вскоре умерла Татьяна Алексеевна. Незадолго до кончины она показывала мне трогательный альбомчик с забавными записочками, рисунками, стихотворными надписями любимого человека. Нежно пероворачивая дорогие реликвии, Татьяна Алексеевна в полубабытти приговаривала Арсюшины строки:

Каблучки мои в пыли,  
Выцвела коса  
И звучат из-под земли  
Наши голоса.

Это точно: как бы ни ожесточался, спеша к своему концу сей тяжелый "атомный век", из-под земли всегда будут биться вдохновенный поэтический голос большого русского поэта и тонкая струна-жалейка его пронзительной музыки.

Феликс МЕДВЕДЕВ.